

Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей¹

О.С. ПАВЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье представлены результаты исследования этнической, государственно-гражданской и религиозной (конфессиональной) идентичности ингушей и чеченцев. На основании проведенного анализа эмпирических данных выявлено, что чеченцы и ингуши в большей степени идентифицируют себя в терминах семейно-поколенческих связей, а также по своей принадлежности к определенной профессиональной или учебной группе. В структуре идентичности важнейшее место занимают этническая и религиозная (конфессиональная) идентичности. У более чем 60 % чеченских респондентов и 40 % респондентов-ингушей этническая и религиозная (конфессиональная) идентичности обнаруживают тенденцию к слиянию. Государственно-гражданская идентичность слабо актуализирована в структуре их идентичности. В структуре этнической идентичности чеченцев и ингушей более выражен аффективный компонент, в котором явно преобладает гордость за свою этническую идентичность. В ингушском и чеченском обществе сильно выражены этноаффилиативные тенденции, т. е. сильна степень общности со своей этнической группой.

Ключевые слова: *этническая, государственно-гражданская, религиозная (конфессиональная) идентичность, вайнахи, этноаффилиативные тенденции, когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности.*

К постановке проблемы

Проблема идентичности — одна из центральных в психологии, социологии и других науках. Структура социальной идентичности, ее изменения, иерархия и позитивная совместимость различных категорий идентичности являются актуальными темами всевозможных общественных дискурсов. Особую остроту приобретает рассмотрение возможности позитив-

ной совместимости государственно-гражданской, этнической и религиозной идентичностей — проблемы, крайне актуальной в современных условиях российского «нациестроительства», формирования общероссийской национальной идеи.

В работах известных российских ученых Е.М. Арутюновой, Л. Гудкова, Л.М. Дробижевой, И.С. Семеновко, В.А. Тишкова, К.Г. Холодковского [3; 5—9; 10; 11; 26; 29; 30; 31 и др.] обсуждают-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Исследование социально-психологических особенностей чеченского этноса на современном этапе»), проект № 13-16-77006.

сы с различных точек зрения содержание самого понятия государственной, гражданской или национальной идентичности, проблемы и противоречивость понимания содержания этих понятий, приводятся результаты широкомасштабных исследований. Изложению содержания понятия «российский народ» посвящена одноименная книга В.А. Тишкова. Рассуждая о перспективах формирования российской гражданской нации, автор отмечает, в частности, что в России «есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления о едином народе, его национальных интересах и национальной культуре» [30, с. 129].

Вопросу дифференциации содержания понятий государственной и гражданской идентичности посвящены работы Л.М. Дробижевой [6–8 и др.], которая указывает на тот факт, что в России исторически сложились проблемы с соотношением этих понятий. «Государственная — российская — идентичность ... складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян» [6, с. 13]. Идентификация себя как гражданина России, или россиянина, фиксирует наличие именно государственной идентичности. Гражданское же самосознание, по мнению Л.М. Дробижевой, формируется гораздо сложнее, так как это связано с переориентацией общества на «деятельностную самоорганизацию, солидаризацию во-

круг ответственности за судьбу и жизнь окружающих» [6, с. 13–14].

В целом понятие государственно-гражданской или национально-гражданской идентичности определяется Л.М. Дробижевой как «отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обида, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» [7, с. 49]. И.С. Семененко подчеркивает, что чувство общности с гражданской нацией и эмоциональное переживание этой общности является базой для формирования гражданской идентичности [26, с. 78].

Двойственность российской идентичности, ее проблемный характер и системный кризис фиксируются в исследованиях отечественных психологов [13 и др.], политологов [31 и др.], социологов [5 и др.]. Тем не менее, последние социологические исследования показывают, что 95 % опрошенных в РФ идентифицируют себя как граждане России [10] (однако делается существенное замечание, что это данные по общероссийской выборке, в которой большинство — русские). К 2011 году российская идентичность, судя по данным исследований [там же], стала доминировать над этнической². Однако этот показатель колеблется по регионам. Так, на Северном Кавказе с россиянами себя идентифицировали лишь 25 % опрошенных [там же].

² Когда статья была уже отдана в печать, в газете «Известия» от 15.02.13 была опубликована информация: по данным Минрегионразвития, «только 44 % жителей РФ идентифицируют себя по принадлежности к стране, а не к национальности. Многие граждане РФ не считают себя россиянами — для них более важна этническая и религиозная самоидентификация». Разработана Концепция федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2013–2018 годы. Согласно этой Концепции, «предполагается, что 124,6 млрд рублей позволят к 2018 году довести долю считающих себя россиянами до 86 %. В более экономном варианте будет потрачено 36,6 млрд рублей, а доля граждан, относящих себя к россиянам, вырастет лишь до 64 %». (Прим. автора.)

Содержание понятия «этническая идентичность» в социальной психологии трактуется как осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе [28]. Т.Г. Стефаненко [там же] выделяет в структуре этнической идентичности когнитивный и аффективный компоненты. С точки зрения Л.М. Дробижевой, этническая идентичность предполагает наличие эмоционально окрашенного образа «мы», а также этнических интересов, в соответствии с которыми осуществляется деятельность [11, с. 130].

Религиозная и конфессиональная идентичности в последние десятилетия заняли прочное место в проблемном общественном дискурсе в России и мире. Рассмотрение религиозной идентичности происходит в контексте индивидуальной идентичности как «приобретение посредством религии собственного экзистенциального опыта» [14, с. 27], и в контексте социальной идентичности как принадлежность к определенному сообществу (например, мусульманская умма). Религия выступает и как содержание, и как инструмент идентификационного процесса. М.М. Мчедлова определяет религиозную идентичность как результат самоотождествления личности или референтного сообщества с определенным религиозным учением или его частью [22, с. 123]. Автор выделяет внутреннюю религиозность, т. е. веру как таковую, и внешнюю религиозность — т. е. соблюдение определенных религиозных обрядов, церемоний, ритуалов. Религиозная идентичность охватывает весь диапазон отношения людей к религии: от безусловной веры до агностицизма, неверия и атеизма [там же, с. 124]. Конфессиональная идентичность рассматривается

как составная часть религиозной идентичности, являющаяся результатом отождествления себя с определенным религиозным учением или конфессией [21, с. 127].

Наиболее актуальным на сегодняшний день остается вопрос об исламской идентичности. Ее исследованиям посвящено много работ. В частности отмечается, что специфика исламской идентичности связана с тем, что ислам — это «не только религия, но и мирская социальная система» [15, с. 158]. «Ислам институализирует практически все сферы жизнедеятельности человека и общества, поэтому можно сказать, что «ислам есть образ жизни» [2, с. 37].

Изучение специфики религиозной, конфессиональной (исламской) идентичности связано, прежде всего, с проблемами последних десятилетий, возникшими на Северном Кавказе. «Ислам на Северном Кавказе — это один из факторов, формирующих местную идентичность, воздействующих на мировоззрение индивида, этнического социума» [17, с. 61]. Сильную степень исламской идентичности фиксируют исследования, проводимые в разных республиках Северокавказского региона, наибольшую же демонстрируют чеченцы, ингуши, дагестанцы, карачаевцы [там же, с. 62]. А.В. Малашенко выделяет несколько уровней исламской идентичности. Первый (личностный) уровень связан с верой во Всевышнего и носит мировоззренческий характер. Второй уровень — традиционно-обрядовый. Этот уровень, по мнению А.Н. Крылова, и формирует одну из важнейших социальных функций религии — идентификационную [14, с. 59]. Тесно связан с этим и третий уровень, на котором происходит социализация мусульман как членов общины.

Программа исследования, ее результаты и обсуждение

Нами было проведено изучение некоторых аспектов государственно-гражданской, этнической и религиозной (конфессиональной) идентичности чеченцев и ингушей. Эмпирическое исследование структуры идентичности чеченцев и ингушей проводилось с 2007 по 2013 г. Всего в исследовании приняли участие 508 чеченцев и 478 ингушей, проживающих в Чеченской Республике, — 380 респондентов и Республике Ингушетия — 366 респондентов, и тех, кто проживает в Москве и Санкт-Петербурге, — 128 чеченцев и 112 ингушей. Возрастной состав выборки был представлен двумя группами: респонденты от 18 до 25 лет — 311 чеченцев, 296 ингушей; респонденты возрастной группы

старше 25 лет — 197 чеченцев, 182 ингуша. Гендерный состав выборки выглядит следующим образом — ингуши: 162 мужчины и 316 женщин, чеченцы: 158 мужчин и 350 женщин. Для изучения структуры социальной идентичности использовались: тест Куна-Макпартленда «Кто Я?»; методика «Неоконченные предложения» (авторский вариант), опросник (авторский вариант) [24, с. 369–373]; методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности; методика «Этническая аффилиация» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова).

Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS for Windows 18.0.

Ответы респондентов на задания теста «Кто Я» позволил определить, в каких категориях чаще всего описывают себя вайнахи³.

Таблица 1

Идентификационная матрица по тесту «Кто Я» (в %)

№ п/п	Идентификационные категории	Ингуши	Идентификационные категории	Чеченцы
1	Профессия, учеба	70,7	Семья	64,6
2	Семья	69,9	Профессия, учеба	63,4
3	Этническая идентичность	67,4	Этническая идентичность	62,6
4	Религиозная (конфессиональная) идентичность	59,4	Религиозная (конфессиональная) идентичность	46,9
5	Позитивные самооценки	55,6	Позитивные самооценки	35,8
6	Друг	44,8	Пол	35,0
7	Пол	32,2	Друг	33,5
8	Человек	28,5	Человек	24,8
9	Личность	26,4	Личность	20,9
10	Сосед, соседка	19,7	Сосед, соседка	16,5
11	Патриотизм	16,3	Патриотизм	11,8
12	Негативные самооценки	15,9	Государственно-гражданская идентичность	11,8

³ Вайнахами называют себя чеченцы и ингуши, так как они принадлежат к нахской языковой группе и имеют много общего в своем историческом развитии, языках, культуре. Вайнахи (чеч., инг.) — дословно «наши люди». Термин введен З.К. Мальсаговым в 20-х гг. XX столетия для обозначения чеченцев и ингушей [24, с. 334].

13	Хобби	10,9	ФИО	6,7
14	Государственно-гражданская идентичность	10,0	Региональная идентичность	5,9
15	Спорт	8,4	Негативные самооценки	4,7
16	Индивид	8,4	Индивид	3,9
17	ФИО	7,9	Представитель своего тайпа ⁴ или тукхума ⁵	3,5
18	Вымышленные характеристики	5,9	Вымышленные характеристики	3,1
19	Индивидуальность	5,4	Спорт	3,1
20	Домохозяйка	3,8	Хобби	2,4
21	Представитель своего тейпа ⁶	2,9	Возраст	2,0
22	Региональная идентичность	2,9	Житель планеты Земля	2,0
23	Возраст	1,3	Горец-горянка	1,6
24	Горец-горянка	0,8	Индивидуальность	0,8
25	Национализм	0,8	Знак зодиака	0,8
26	Знак зодиака	0,8	Домохозяйка	0,4
27	Житель планеты Земля	0,8	Национализм	0,4
28	Вайнах	0,8	Дитя войны	0,4
29	-	-	Вайнах	0,4
30	-	-	Кавказец	0,4

Как видно из табл. 1, чаще всего вайнахи себя описывают в категориях профессии, учебы и семейно-родственных связей, а также в категории этнической и религиозной идентичности. Это было характерно и для довоенной Чечено-Ингушетии, где люди «больше идентифицировали себя по профессиональным и поколенческим группам, по семейным и дружеским связям, а уже потом по этническим и религиозным» [29, с. 502].

На особенностях этнической, религиозной и государственно-гражданской

идентичности вайнахов остановимся подробнее.

Из таблицы 2 видно, что среди чеченцев и ингушей высок процент респондентов, указавших на первых местах этническую и религиозную (конфессиональную) идентичность, что, безусловно, свидетельствует о высокой значимости этих категорий в структуре идентичности вайнахов. Кроме того, в большинстве ответов чеченцев (63,8 %) и в 41,8 % ответов ингушей этническая и конфессиональная идентичности слиты в одно це-

⁴ Тайп (чеч.) — от арабск. «тайфа» — кровнородственный союз. «Чеченский тайп — это не классический род, а братство — ассоциация родственных и неродственных (социальных) групп, объединенных едиными социальными, экономическими интересами и мифологическим родством» [23, с. 288–289]. В современной Чечне 282 тайпа [23, с. 294].

⁵ Тукхум (чеч.) — от иранск. «tohum» — «семья». Чеченский тукхум — это «союз родов, объединившихся во фратрию по своему территориальному диалектологическому единству. Это своего рода военно-экономический союз определенной группы тайпов, не связанных между собой кровным родством» [18, с. 18]. В Чечне насчитывается девять тукхумов [там же].

⁶ Тейп (инг.) — от арабск. «тайфа» — кровнородственный союз. Современный ингушский тейп — это кровнородственное объединение, в котором соблюдаются принципы экзогамии, т. е. запрет на вступление в брак с представителями своего тейпа [24, с. 55]. В современной Ингушетии около 130 тейпов [24, с. 62].

Особенности этнической, религиозной и гражданской идентичности респондентов

Респонденты	Этническая идентичность		Религиозная (конфессиональная) идентичность		Государственно-гражданская идентичность	
	% указавших ЭИ (от общего числа респондентов)	из них % указавших ЭИ на 1–5 месте	% указавших РИ (от общего числа респондентов)	из них % указавших РИ на 1–5 месте	% указавших ГИ (от общего числа респондентов)	из них % указавших ГИ на 1–5 месте
Чеченцы	62,6	86,2	46,9	77,3	11,8	51
	В 63,8 % ответов этническая и религиозная идентичность слиты					
Ингуши	67,4	79,5	59,4	65,2	10	29,2
	В 41,8 % ответов этническая и религиозная идентичности слиты					

лое. Они указываются в ответах, как правило, на первых местах: *Я – чеченец, мусульманин. Я – мусульманка, ингушка*. Наличие у вайнахов такого типа мультиидентичности, который С. Роккас и М. Брюер назвали «слиянием» [32], отмечают многие исследователи: «чеченец – это, в первую очередь, чеченец-мусульманин, ибо чеченская идентичность сегодня немыслима вне контекста исламской традиции» [17, с. 62]. «Этничность и религиозность для чеченцев являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности» [12, с. 12]. Для ингушей «религия служит мощным маркером идентичности: невозможно быть ингушом и не быть мусульманином» [19, с. 105].

Необходимо отметить, что при этом для современной ситуации в Чечне и Ингушетии характерна дилемма иерархии конфессиональной и этнической идентичности: кем быть прежде всего – мусульманином или представителем этноса? [1, с. 46]. Наиболее остро эта проблема стоит в противостоянии предста-

вителей так называемого традиционно-суфийского, ислама и салафитов (ваххабитов). По мнению последних, религиозный компонент должен доминировать над этническим. С критикой подобных идей неоднократно выступает Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров: «мы (т. е. чеченцы. – прим. В. Акаева) сначала являемся чеченцами, а потом мусульманами» [1, с. 47].

Рассмотрим подробнее специфику слияния этнической и религиозной идентичности. Неразрывная связь этнического и религиозного начал закреплена в морально-этических кодексах чеченцев и ингушей. Так, в чеченском моральном кодексе *Нохчалла* читаем:

- «Имя “Чеченец”, помимо этнической принадлежности, отражает духовно-нравственные ориентиры личности, обозначенные в многовековом морально-этическом кодексе Нохчалла.
- Чеченец является человеком Веры – веры в Единого Бога, твердо и непреклонно следующий Заветам праведных предков, придающий огромное значение религиозности, родственным отношениям, до-

бромуду имиджу нации перед всем остальным миром, материальному благополучию, физическому и нравственному здоровью...» [20].

Составляют триединую структуру, каждое звено которой цементируется и усиливается остальными, нормы ингушской этики и этикета *ПалгаЙ* эздел, морально-нравственные ценности ислама, традиции и обычаи ингушей [24].

В ответах на неоконченные предложения достаточно часто встречались те, которые подтверждают синкретизм этнического и религиозного начал, и их единство в осознании собственной идентичности чеченцами и ингушами. Приведем примеры высказываний респондентов.

• **Быть представителем своего народа для меня это значит:** *быть ингушкой, мусульманкой (инг., жен.); быть настоящей чеченкой и мусульманкой (чеч., жен.).*

• **Как большинство представителей своего народа, я:** *истинный мусульманин; набожен, религиозен (чеч., муж.). Соблюдающая мусульманка; верую в Аллаха (инг., жен.). Верующая; делаю намаз, живу в Чечне (чеч., жен.).*

• **Самое главное для представителей моего народа это** — *религия, честь, семья; вера, традиции, обычаи, мнение старейших; сохранять общность, религиозность (инг., муж.). Ислам; вера во Всевышнего; религия (чеч., муж.). Придерживаться традиций и обычаев, знать родной язык и верить в Аллаха; традиции, обычаи, религия, этика; этика, культура, обычаи, религиозность; соблюдать правила Корана (инг., жен.). Богобоязненность; быть религиозным, мудрым, и*

самое главное, честным; вера в Аллаха; соблюдение шариата; благородность, достоинство народа, иман⁷ (чеч., жен.).

• **Быть настоящим чеченцем/ингушом это значит быть** *воспитанным в духе Ислама (инг., муж.). Быть мусульманином; быть религиозным, смелым, отважным, кьонахом⁸; быть мусульманином, знать свои традиции и язык; быть в исламе; быть настоящим мусульманином (чеч., муж.). Хранить в себе веру и традиции своего народа, быть отличной матерью, уважать старших в семье и мужа; быть в первую очередь мусульманином, а затем жить по ингушской культуре, не деформируясь под влиянием со стороны; Соблюдать традиции, делать намаз, уважать родственников, помогать в трудностях друг другу; придерживаться традиций и обычаев, знать родной язык и верить в Аллаха (инг., жен.). Быть послушной родителем, скромной, набожной; быть примером, мусульманином; богобоязненной мусульманкой; Быть хорошей женой, понимающей сестрой, верной подругой и праведной мусульманкой (чеч., жен.).*

• **В воспитании детей самое главное** ... место занимает Ислам; не стараться воспитывать их в духе времени, а сеять в них любовь к Родине, ко Всевышнему, к ближним; уважать родителей, обучать религии и горским законам (инг., муж.). Обучать богобоязненности; обычаи, религия; знание религии; религия, традиции; ислам, традиции; иман, ислам и традиции; это религия и чеченский адат (неписанный закон) и ничего большего (чеч., муж.). Воспитать в них мусульман и ингушей в целом; это воспитать в

⁷ Иман (араб.) — убеждение в правильности исламских догматов. Основа Имана — Поклонение Единственному Создателю, вера.

⁸ Кьонах (чеч.) — молодец, достойный муж; сын народа; доблестный, честный, благородный; настоящий Мужчина.

духе народа, в духе Ислама; В воспитании детей нет главного и второстепенного: важно все, даже маленькое зернышко может вырасти в огромное дерево. Воспитание детей — это целая наука. Главное, это чтобы Всевышний был доволен ими, а значит воспитать человека с большой буквы (инг., жен.). Религия, и скорее дать понять, к какому народу они относятся; вера, порядочность, честность, а остальное все приложится; приверженность к религии, культуре, менталитету; воспитывать по исламским и чеченским законам; воспитать верующим, образованным, воспитанным, соблюдающим все нормы этикета (чеч., жен.).

Итак, приведенные выше примеры подтверждают, что в сознании многих вайнахов этническая и религиозная идентичность слиты воедино. Адааты (обычаи), традиции, вайнахская этика и этикет, этнические ценности, т. е. все, что составляет сердцевину этнокультуры, тесно переплетено с верой во Всевышнего, истинной религиозностью.

Детальный анализ ответов респондентов на задания теста «Кто Я» показывает, что для обозначения своей этнической идентичности ингуши, кроме прямого названия своей этничности на русском и ингушском языке (я — *ингуш*, *ГалгӀа*), употребляли такие словосочетания как:

- *представитель своего народа;*
- *дочь своего народа;*
- *будущее своего народа.*

Чеченцы помимо указания своей этничности на русском языке (я — чеченец) употребляли следующие слова и словосочетания:

нохчо (чеч. — чеченец). В некоторых ответах этническая принадлежность указывалась несколько раз, например один раз по-русски, второй — по-чеченски;

человек, который уважает свой народ.

Описание своей религиозной идентичности респондентами обеих групп включало как указание на свою конфессиональную принадлежность (мусульманин, мусульманка), так и на само содержание исламской идентичности: *раба Аллаха, покорный раб Аллаха, муслим, творенье Господа, верующая, Божье творенье.*

Обращает на себя внимание, что среди ответов респондентов (см. табл. 1) совсем незначителен процент ответов, указывающих на значимость таких интегрирующих идентичностей, как «вайнахи», «горцы», «кавказцы». Так, в ответах ингушей лишь несколько раз указывались словосочетания: Я... *потомок великих вайнахских горцев* или *сын вайнахского народа*, а чеченцы горскую идентичность обозначали этнонимом *ламарой*. Так по-чеченски называют горцев; чеченцев делят на горных (*ламанан нах, ламарой*) и равнинных (*араран нах, охъара нах*).

Анализ ответов на задания теста «Кто Я» показал, что в терминах государственно-гражданской идентичности описали себя 11,8 % чеченцев и 10 % ингушей. Для обозначения государственно-гражданской идентичности ингушские респонденты использовали такие выражения, как:

гражданин РФ — 24 (количество ответов);

гражданин — 14;

гражданин своей страны — 2;

гражданин РФ и РИ — 2;

честный гражданин — 2;

защитник государства — 2.

Чеченцы описали свою государственно-гражданскую идентичность с помощью следующих выражений:

гражданин РФ — 26 (количество ответов);

гражданин/ гражданка — 20;
гражданин государства — 5;
гражданка своей страны — 4;
человек Российской Федерации — 2;
законопослушный гражданин — 2;
россиянин — 1.

Весьма примечательно, что для вайнахов при описании своей гражданской идентичности совсем не свойственно употребление термина «россиянин». Его в своем ответе указал лишь один чеченец — мужчина 19 лет, проживающий в Москве.

Сложность актуализации российской государственно-гражданской идентичности через понятие «россиянин» отмечается в литературе. Так, историк Н.Ф. Бугай, рассуждая о гражданской идентичности, указывает, что «проблема идентификации остается актуальной и в масштабе стран СНГ. Например, нет ответа на вопрос: кто такие граждане России? Предлагается собирательное наименование — «россияне», что вызывает неоднозначную реакцию, и особенно со стороны этнических общностей» [4, с. 61].

Причины этого обсуждались нами на круглом столе «Этническая и гражданская идентичности в современной России», проведенном 23.04.2012 на кафедре педагогики и психологии Института чеченской и общей филологии Чеченского государственного университета. В ходе оживленной дискуссии стало понятно, что у многих чеченцев слово «россиянин» прочно ассоциируется со словом «русский». Приведем примеры высказываний респондентов: *В России, если человек называется россиянином — все, он русский (жен.); Если я поеду куда-нибудь, например, во Францию и скажу, что я россиянка, сразу впечатление — что я русская (жен.); В России есть такая национальность — русские. Поэтому когда называ-*

ешь россиянина россиянином — сразу русский, потому что есть такая национальность русские. Это очень тяжелый вопрос. Поэтому я считаю, что правильно говорить не россиянин, а гражданин России. Я себя русским не чувствую. И россиянином — тоже (муж.).

Таким образом, по мнению участников круглого стола, гражданскую идентичность уместнее было бы именовать термином «гражданин России» или «гражданин РФ», чтобы снять ассоциации с обозначением этнической принадлежности «русский». *«Гражданин России» воспринимается как официальный статус, а когда говорят — россиянин, то у нас начинаются всякие вопросы к самому себе» (муж.).* Эту мысль подтверждают социологические исследования, выполненные под руководством Л.М. Дробижевой. Российская идентификация наполняется этническим (русским) содержанием для 90 % опрошенных, среди которых большинство — русские [10]. Принятие государственно-гражданской идентичности через термин «россияне» естествен для русских граждан РФ: *«Я счастливый человек, потому что я русская и россиянка одновременно. Я живу в государстве, где у меня совпадает национальность и гражданство»; «Русский и россиянин — разве разные понятия? Я об этом не задумывался, но считаю, что это одно и то же» [3, с. 13].*

Истоки этого кроются в российской истории. Это описано, в частности, в уже упомянутой работе В.А. Тишкова «Российский народ» [30] и в статье К.Г. Холодковского «Проблемы и противоречия российской идентичности» [31]. Исторически слова «русский» и «россиянин» употреблялись как синонимы. И даже с провозглашением Российской империи

в 1721 году «надэтнический смысл понятий “Россия”, “россияне” обозначился, прежде всего, в официальном языке, в то время как в повседневном обиходе еще долго наравне с ними в это же время употреблялся термин “русский» [31, с. 238]. За рубежом восприятие российской и русской идентичности как единого целого подтверждается тем, что в переводе на различные иностранные языки понятия «россиянин» и «русский» звучат одинаково: Russian (англ.), Russisch (нем.; хотя в немецком появился еще и такой вариант как Russlandisch), russe (франц.), ruso (исп.), russo (итал.). Кроме того, по мнению исследователей, российская идентичность неразрывно связана с православием [3, с. 13; 30, с. 77]. Поэтому на вопрос: «*Быть чеченцем и быть россиянином — это одно и то же?*» чеченская аудитория ответила отрицательно. Одной из причин этого была названа религия. *Осознание другое этому. Прежде*

всего я — мусульманка (жен.). Это подтверждается и исследованиями, проведенными в Татарстане: «Отсыл национальной идеи к православию, использование православных атрибутов в качестве элементов национальной символики, а также антиисламская пропаганда в СМИ ... затрудняют формирование у мусульман гражданственности» [33, с. 140].

Возможность именовать граждан России россиянами появится тогда, когда само понятие «россияне» будет избавлено «от национальной или конфессиональной коннотации» [25, с. 380]. Но на сегодняшний день можно констатировать наличие сложного содержания понятий «русский», «российский» и «невозможности жесткого разделения» этих понятий [30, с. 77].

Дальнейший детальный анализ результатов тестирования показал, что структура идентичности связана с различными факторами.

Таблица 3

Частота указания идентификационных категорий ингушей и чеченцев (в %)

Категория идентичности	Мужчины	Женщины	До 25 лет	Старше 25 лет	Родина (РИ, ЧР)	Москва, Санкт-Петербург
Ингуши						
Этническая	63,3	68,7	64,4	80,0	68,7	62,5
Религиозная (конфессиональная)	56,7	60,3	57,7	66,7	61,1	52,5
Государственно-гражданская	5,0	11,7	7,2	22,2	7,6	22,5
Чеченцы						
Этническая	76,7	58,2	68,3	41,8	58,0	91,4
Религиозная (конфессиональная)	60,0	42,8	52,3	27,3	43,4	68,6
Государственно-гражданская	15,0	10,8	11,6	12,7	10,5	20,0

Как видно из табл. 3, частота использования категории этнической идентичности зависит, прежде всего, от возраста (у ингушей) и места проживания (у чеченцев). Наиболее актуализирована этническая идентичность у ингушей старше 25 лет и чеченцев, проживающих вне Чеченской Республики. Абсолютно различные возрастные особенности продемонстрировала религиозная идентичность вайнахов: у ингушей старше 25 лет самые высокие показатели по религиозной идентичности среди всей ингушской выборки, тогда как для чеченцев старше 25 лет характерен самый низкий уровень религиозной идентичности среди всей чеченской выборки.

Детальное изучение государственно-гражданской идентичности показывает, что в обеих этнических группах респондентов она наиболее актуализирована среди тех, кто проживает в Санкт-Петербурге и Москве. У ингушей гражданская идентичность связана с возрастом, а вот связь

гражданской идентичности с полом у вайнахов различна: у ингушей чаще определяют себя в категории гражданственности женщины, а у чеченцев — мужчины.

Изучение структуры этнической идентичности и ее компонентов — когнитивного и аффективного с помощью теста «Выраженность этнической идентичности» показало (табл. 4), что у обеих групп респондентов сильнее выражен аффективный компонент этнической идентичности.

Согласно Т.Г. Стефаненко, «аффективный компонент этнической идентичности в большей степени отображает значимость для человека его принадлежности к определенному этносу, степень влияния этнической идентичности на самоотношение человека, на выраженность данной идентичности внутри его общей Я-концепции» [28, с. 241].

Характер переживаний, испытываемых респондентами по поводу собственной этнической идентичности, представлен в табл. 5.

Таблица 4

Выраженность компонентов этнической идентичности*

Компоненты идентичности	Ингуши	Чеченцы	Значимость <i>p</i>
Когнитивный	2,9	2,3	0,022
Аффективный	3,2	2,7	0,278

* Для сравнения между чеченцами и ингушами использован непараметрический критерий Манна-Уитни. Статистически значимые различия обнаружены по когнитивному компоненту.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к собственному этносу?» (в %)

Чувства	Ингуши		Чеченцы	
	Республика Ингушетия	Москва, Санкт-Петербург	Чеченская Республика	Москва, Санкт-Петербург
Гордость	76,8	62,5	84,5	91,4
Спокойная уверенность	18,2	25,0	10,0	8,6
Никаких чувств	3,0	2,5	0,9	-
Обида	0,5	-	-	-
Ущемленность, униженность	0,5	5,0	1,4	-

Анализ табл. 5 показывает, что большинство наших респондентов испытывают чувство гордости в связи с принадлежностью к своему этносу. Различия между проживающими в Чечне и Ингушетии, с одной стороны, и в Москве и Санкт-Петербурге, с другой, на уровне статистической значимости не обнаружены как в группе ингушей ($p = 0,101$), так и в группе чеченцев ($p = 0,559$). Однако обнаружены статистически значимые различия между ингушами и чеченцами, проживающими на Кавказе ($p = 0,025$) и в Москве и Санкт-Петербурге ($p = 0,013$). Интересно, что чеченцы практически не испытывают отрицательных чувств в связи со своей этнической принадлежностью. Позитивная этническая идентичность чеченцев, «при которой имеет место благоприятное отношение к своей культуре, истории, естественный патриотизм», отмечается в исследовании М.И. Лечиевой [16, с. 165]. 6 % наших респондентов-ингушей испытывают негативные чувства в связи с принадлежностью к своей этнической группе. Характерно, что почти все они проживают вне Ингушетии. Можно предположить, что ущемленность и униженность являются следствием негативного опыта, полученного ими в процессе межэтнических контактов в столицах.

Выраженность этноаффилиативных тенденций вайнахов позволила оценить методика «Этническая аффилиация». Этноаффилиативный мотив — это стремление к общности со своей этнической группой. «Выраженность этноаффилиативных тенденций предполагает склонность следовать правилам, нормам и целям своей этнической группы» [27, с. 32]. В зависимости от степени выраженности этноаффилиативных тен-

денций Г. Триандис выделил два типа личностей: аллоцентрические личности, которые более нуждаются в групповой поддержке, ориентированы на группу и считают себя её продолжением, а группу — продолжением себя; идеоцентрические личности, которые в групповой поддержке нуждаются в меньшей степени, не подчиняют свои цели групповым и не идентифицируют себя с группой [27]. Анализ ценностных суждений, представленных в данной методике, позволил выделить аллоцентрические и идеоцентрические личности среди наших респондентов (рисунок).

Полученные результаты показали яркую выраженность этноаффилиативных тенденций чеченцев и ингушей. Около 80 % респондентов — это аллоцентрические личности, которых характеризует выраженная принадлежность к своей этнической группе, превалирование групповых целей над личными. Аллоцентрические личности — это те, кто никогда не забывает о своей национальности, кто стремится поддерживать обычаи и традиции своей этнической группы, придерживается норм и правил её жизнедеятельности. Превалирование в обществе аллоцентрических личностей характеризует общество как преимущественно коллективистическое.

Выводы

Итак, анализ результатов изучения структуры социальной идентичности чеченцев и ингушей позволяет сделать следующие выводы.

1. Чеченцы и ингуши в большей степени идентифицируют себя в терминах семейно-поколенческих связей, а также по

Рис. Результаты изучения этноаффилиативных тенденций по методике «Этническая аффилиация»

своей принадлежности к определенной профессиональной или учебной группе.

2. В структуре идентичности чеченцев и ингушей важнейшее место занимают этническая и религиозная (конфессиональная) идентичности.

3. Более чем у 60 % чеченских респондентов и 40 % респондентов-ингушей этническая и религиозная (конфессиональная) идентичности обнаруживают тенденцию к слиянию.

4. Государственно-гражданская идентичность слабо актуализирована в структуре идентичности чеченцев и ин-

гушей. Они продемонстрировали определенные проблемы с «разведением» дихотомии «русский» – «россиянин» как основания определения государственно-гражданской идентичности.

5. В структуре этнической идентичности вайнахов более выражен аффективный компонент, в котором явно преобладает гордость за свою этническую идентичность.

6. В ингушском и чеченском обществе сильно выражены этноаффилиативные тенденции, т. е. сильна степень общности со своей этнической группой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. М., 2008.
2. Албакова Ф.Ю. Каноны социально-экономической деятельности в исламе // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира // Под ред. С.В. Пирогова. М., 2009.
3. Арутюнова Е.М. Российская идентичность в представлении московских студентов. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-08/arutyunova.pdf>
4. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011.

5. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.
6. *Дробижьева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.
7. *Дробижьева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-12/Drobizheva.pdf>
8. *Дробижьева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. URL: <http://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Nacionalno-grajdanskaya%20i%20etnicheskaya%20identichnost.pdf>
9. *Дробижьева Л.М.* Российская идентичность в массовом сознании. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc>
10. *Дробижьева Л.М.* Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ. URL: http://rosnation.ru/?page_id=1064
11. *Дробижьева Л.М.* Этническая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.
12. *Жемчураева С.Ш.* Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде: Дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010.
13. *Ильин В.А., Михайлова Е.А.* Кризис идентичности как ресурс модернизации общества: исследование восприятия социальных институтов российского общества представителями трех социально-возрастных категорий современных россиян // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
14. *Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М., 2012.
15. *Кудряшова И.В.* Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.
16. *Лечиева М.И.* Этническая идентичность современных чеченцев, проживающих на территории Чеченской республики // Российский научный журнал. 2012. № 6 (19).
17. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
18. *Мамакаев И.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009.
19. *Матвеева А., Савин И.* Ингушетия: выстраивая идентичность, преодолевая конфликт // Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / Под ред. А.Г. Матвеевой, А.Ю. Скакова, И.С. Савина. М., 2012.
20. Моральный кодекс чеченца. URL: <http://www.chechnyatoday.com/content/view/3007/438/>
21. *Мчедлова М.М.* Конфессиональная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.

22. *Мчедлова М.М.* Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.
23. *Натаев С.А.* Тайп как форма социальной организации // Чеченцы / Отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М., 2012.
24. *Павлова О.С.* Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета. М., 2012.
25. *Сампиев И.М.* Институализация самоопределения народов в политических процессах на постсоветском Северном Кавказе. Назрань, 2010.
26. *Семененко И.С.* Гражданская идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.
27. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
28. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2006.
29. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.
30. *Тишков В.А.* Российский народ: Книга для учителя. М., 2010.
31. *Холодковский К.Г.* Проблемы и противоречия российской идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семененко. М., 2012.
32. *Хухлаев О.Е., Хайт М.А.* Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюера // Социальная психология и общество. 2012. № 3.
33. *Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А.* Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М., 2006.

Ethnic, Religious and Civil Identity of Chechen and Ingush People

OLGA S. PAVLOVA

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Educational Psychology, Moscow State University of Psychology and Education

The paper presents the results of the study on ethnic, civil and religious (confessional) identity of Chechen and Ingush people. The study revealed that Chechens and Ingush mostly identify themselves in terms of family/generation relationships as well as in terms of their belonging to a certain professional or educational group. Ethnic and religious (confessional) identities lie at the core of their identity structure. Furthermore, these two types of identity tend to merge in more than 60% of the Chechen subjects and 40 % of the Ingush subjects. Civil identity, at the same time, is weakly displayed in the structure of their identity. The structure of ethnic identity of Chechen and Ingush people has a distinct affective component in it, the central part of which is the pride for one's ethnic identity. Ethnic affiliation is very strong in the Chechen and Ingush society, meaning that the sense of community with one's own ethnic groups is quite intense in the individuals.

Keywords: *ethnic identity, civil identity, religious (confessional) identity, Vainakh peoples, ethnic affiliation, cognitive and affective components of ethnic identity.*

REFERENCES

1. Akaev V.H. Islam v Chechenskoj Respublike. M., 2008.
2. Albakova F.Yu. Kanony social'no-ekonomicheskoi deyatelnosti v islame // Cennostnye orientiry v ekonomicheskoi srede islamskogo mira // Pod red. S.V. Pirogova. M., 2009.
3. Arutyunova E.M. Rossiiskaya identichnost' v predstavlenii moskovskih studentov. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-08/arutyunova.pdf>
4. Bugai N.F. Severnyi Kavkaz. Gosudarstvennoe stroitel'stvo i federativnye otnosheniya: proshloe v nastoyashem. M., 2011.
5. Gudkov L. Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov. M., 2004.
6. Drobizheva L.M. Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' // Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii / Otv. red. V.S. Magun. M., 2006.
7. Drobizheva L.M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkih v svoei i inoetnicheskoi srede. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-12/Drobizheva.pdf>
8. Drobizheva L.M. Nacional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoi sovmestimosti. URL: <http://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Nacionalno-grazhdanskaya%20i%20etnicheskaya%20identichnost.pdf>
9. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost' v massovom soznanii. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc>

10. *Drobizheva L.M.* Rossiiskaya identichnost' i soglasie v mezhetnicheskikh otnosheniyah: opyt 20 let reform. URL: http://rosnation.ru/?page_id=1064
11. *Drobizheva L.M.* Etnicheskaya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii / Otv. red. I.S. Semenenko. M., 2012.
12. *Zhemchuraeva S.Sh.* Teoretiko-metodologicheskie aspekty sociologicheskoi diagnostiki identichnosti chechencev v polietnicheskoi srede: Diss. kand. sociol. nauk. Saratov, 2010.
13. *Il'in V.A., Mihailova E.A.* Krizis identichnosti kak resurs modernizacii obshestva: issledovanie vospriyatiya social'nyh institutov rossiiskogo obshestva predstavatelyami treh social'no-vozrastnyh kategorii sovremennyh rossiyan // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 2.
14. *Krylov A.N.* Religioznaya identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve. 2-e izd. M., 2012.
15. *Kudryashova I.V.* Politicheskie izmeneniya i transformaciya identichnosti v stranah musul'manskogo Vostoka // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 2. Identichnost' i social'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke / Otv. red. I.S. Semenenko. M., 2012.
16. *Lechieva M.I.* Etnicheskaya identichnost' sovremennyh chechencev, prozhivayushih na territorii Chechenskoj respubliki // Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2012. № 6 (19).
17. *Malashenko A.V.* Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza. M., 2001.
18. *Mamakaev I.A.* Chechenskii taip (rod) v period ego razlozheniya. Grozny, 2009.
19. *Matveeva A., Savin I.* Ingushetiya: vystraivaya identichnost', preodolevaya konflikt // Severnyi Kavkaz: Vzglyad iznutri. Vyzovy i problemy social'no-politicheskogo razvitiya / Pod red. A.G. Matvevoi, A.Yu. Skakova, I.S. Savina. M., 2012.
20. Moral'nyi kodeks chechenca. URL: <http://www.chechnyatoday.com/content/view/3007/438/>
21. *Mchedlova M.M.* Konfessional'naya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii / Otv. red. I.S. Semenenko. M., 2012.
22. *Mchedlova M.M.* Religioznaya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii / Otv. red. I.S. Semenenko. M., 2012.
23. *Nataev S.A.* Taip kak forma social'noi organizacii // Chechency / Otv. red. L.T. Solov'eva, V.A. Tishkov, Z.I. Hasbulatova. M., 2012.
24. *Pavlova O.S.* Ingushskii etnos na sovremennom etape: cherty social'no-psihologicheskogo portreta. M., 2012.
25. *Sampiev I.M.* Institutizaciya samoopredeleniya narodov v politicheskikh processah na postsovetском Severnom Kavkaze. Nazran', 2010.
26. *Semenenko I.S.* Grazhdanskaya identichnost' // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii / Otv. red. I.S. Semenenko. M., 2012.
27. *Soldatova G.U.* Psihologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti. M., 1998.

28. *Stefanenko T.G.* Etnopsihologiya. M., 2006.
29. *Tishkov V.A.* Obshestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoj vojny). M., 2001.
30. *Tishkov V.A.* Rossiiskii narod: Kniga dlya uchitelya. M., 2010.
31. *Holodkovskii K.G.* Problemy i protivorechiya rossiiskoj identichnosti // Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 2. Identichnost' i social'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke / Otv. red. I.S. Semenenko. M., 2012.
32. *Huhlaev O.E., Hait M.A.* Slozhnost' social'noj identichnosti: koncepciya S. Rokkas i M. Bryuera // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 3.
33. *Shumilova E.A., Hodzhaeva E.A.* Osobennosti stanovleniya rossiiskoj grazhdanskoj identichnosti musul'man v Tatarstane // Grazhdanskije, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii / Otv. red. V.S. Magun. M., 2006.